

RU

Вербальные маркеры высказываний, содержащих угрозу, в англоязычном интернет-дискурсе (на примере социальной сети Twitter)

Белова Л. В.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности лексических и грамматических вербальных маркеров угрозы в текстах публичных сообщений англоязычного сегмента социальной сети Twitter. В статье рассматривается ряд социальных, коммуникативных и лингвистических факторов, связанных с угрозой как речевой стратегией, раскрываются способы функционирования упомянутых маркеров в рамках интернет-дискурса. Научная новизна исследования заключается в изучении языковых средств, функционирующих как вербальные маркеры угрозы, в англоязычной социальной сети Twitter. В результате исследования определено, что англоязычный медиатекст обладает высокой степенью имплицитности, оценочности и экспрессивности. Вербальные маркеры наделяются рядом коммуникативных функций и являются важнейшим элементом в системе текста интернет-сообщений.

EN

Verbal Markers of Utterances Containing Threat in the English-Language Internet Discourse (by the Example of the Social Network Twitter)

Belova L. V.

Abstract. The purpose of the research is to provide an insight into the features characterising lexical and grammatical verbal markers of threat in the texts of public messages found in the English-language segment of the social network Twitter. The article examines a number of social, communicative and linguistic factors associated with threatening as a speech strategy and sheds light on ways of functioning of the above-mentioned markers within the framework of the Internet discourse. Scientific novelty of the research lies in studying the language tools that function as verbal markers of threat in the English-language social network Twitter. As a result of the research, it is determined that the English-language media text displays a high degree of implicitness, evaluativity and expressiveness. Verbal markers are endowed with a number of communicative functions and are the most important element in the text system of Internet messages.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ее непосредственной связью с кругом проблем, очерченных современной дискурсологией, в том числе с теорией речевого общения в контексте языка интернет-сообщений. На данный момент возрастает необходимость в составлении индивидуального лингвистического профиля автора сообщений на основе вербальных маркеров с целью формирования механизмов оценки поведения личности, в частности способов оценки потенциальной опасности сообщений, содержащих угрозы. Кроме того, требует научного осмысления феномен речевой агрессии в контексте публичного дискурса социальных сетей, а также изучения средств языковой объективации и описания смыслового объема концептов, которые относятся к базовым лингвокультурным концептам современного английского языка.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, прояснить особенности угрозы как коммуникативной стратегии; во-вторых, описать экспрессивно-стилистические вербальные маркеры угрозы; и, в-третьих, проанализировать модально-оценочные вербальные маркеры угрозы.

Для анализа вербальных маркеров угрозы в текстах сообщений применяются следующие методы исследования – дискурсивный, лингвостилистический и контекстуальный анализ. При обобщении, систематизации

и интерпретации текстов как объектов исследования применялись описательный, логический методы, а также общенаучные методы лингвистического анализа: обобщения и сопоставления.

Объектом исследования являются тексты сообщений, репрезентирующие обобщенную угрозу неопределенному лицу или четкую угрозу определенному адресату. Предметом данного исследования выступают различные языковые средства, являющиеся вербальными маркерами угрозы в англоязычном публичном дискурсе. Материалом для данного исследования послужили отобранные методом случайной выборки 520 текстов публичных сообщений англоязычного сегмента социальной сети *Twitter*.

Теоретической базой исследования послужили работы зарубежных исследователей Х. Лимберга [9], Б. Фрейзера [6], П. Гингисса [7], посвященные дистрибуции вербальных маркеров, а также труды лингвистов в области исследования дискурса (В. В. Быстрова [1], В. А. Сидорова [3], Т. А. ван Дейка [2]) и коммуникативистики (П. Брауна [5], С. Харриса [8], Дж. Мелой, Дж. Хоффманна [10]).

Практическая значимость исследования состоит в том, что раскрываемые в настоящей статье особенности англоязычной коммуникации могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории речевой коммуникации, межкультурной коммуникации, теории и практике перевода. Полученные данные могут найти применение в сопоставительных исследованиях языка и культуры.

Особенности угрозы как коммуникативной стратегии

Конфликтология определяет угрожающее высказывание как «вербализованное, письменное или переданное в электронном виде сообщение, которое содержит прямое или косвенное указание на какое-либо событие, последствия которого окажут негативное воздействие на адресата либо иных лиц, с ним связанных» [6, р. 162]. Вербальные маркеры выступают индикатором позиции адресанта, то есть с их помощью возможно определить, в какой степени письменное или устное высказывание воспринимается адресатом как прямая или косвенная угроза.

Вербальные маркеры угрозы как явление определяются лингвистами по-разному, и называется разнообразие языковых средств, номинирующих угрозу. Лингвистические исследования угрозы в основном сосредоточены отдельно либо вокруг метаязыковых особенностей коммуникации, таких как способ и метод коммуникации [8; 11], либо вокруг ее тематических особенностей, таких как многократное повторение определенной лексики либо анализ тематического содержания грамматических конструкций [5; 12]. Несмотря на это, поскольку акт угрозы – это социальное явление, в котором акт наделяет адресанта властью над адресатом [10, р. 201], важно рассматривать язык угрозы как социально обусловленный жанр, поскольку именно благодаря анализу сочетания языковых структур и социальных контекстов жанра в целом мы можем сделать вывод о том, что коммуникативный акт угрозы представляет собой социально-лингвистический феномен, где намерения и ожидания говорящих интерпретируются индивидуально в зависимости от использованных языковых средств [1].

В субъективной оценке высказываний, содержащих угрозу, коммуниканты полагаются на собственный прошлый опыт, базирующийся на обобщенных лингвистических знаниях каждого индивида, с помощью которых формируется понимание текущих событий и предствление о вариантах дальнейшего развития событий [3, с. 181]. Лингвистами было установлено, что коммуниканты склонны замечать необычные языковые паттерны в противоположность более нормативным паттернам, которые находятся в рамках определенного речевого стиля или жанра [7, р. 155]. Таким образом, благодаря интерактивному процессу внутри сознания адресанта такие выходящие за рамки привычных языковые паттерны ассоциируются с характерными логическими фигурами в той или иной языковой системе, что является результатом процесса лингвистической адаптации, под которым понимают признание другими носителями языка различных форм речи вербальными атрибутами говорящего [2].

Упомянутые вербальные атрибуты представляют собой своего рода ролевые коммуникативные модели, по-разному воспринимаются и трактуются адресантами в зависимости от ситуации взаимодействия. По этой причине, прибегая к лингвистическому анализу сообщений на предмет угрозы, исследователю недостаточно полагаться на собственную интуицию и прошлый опыт, поскольку такой способ оценки не всегда будет в полной мере отражать мнение адресата и совпадать с ним, что может привести к неверной квалификации нейтрального сообщения как угрожающего и ложной оценке потенциально нестабильной ситуации. Языковые средства обретают свою семиотическую ценность только в том социокультурном контексте, в котором они используются [4, с. 159].

Иллокутивную функцию угрозы как коммуникативной стратегии можно подытожить как попытку запугать адресата, сообщив, что угрожающий намеревается причинить ему какой-то серьезный вред. Условия успешности угрозы как коммуникативной стратегии основываются на анализе того, какую первичную коммуникативную задачу имеет речевой акт [9]. Таким образом, угрозы являются социальным феноменом, актами институционализации, которые предполагают конфликтные отношения между участниками, основанные на речевой агрессии. Действительно, коммуникативная эффективность этих перформативных высказываний не может быть отделена от их социального контекста, определяющего условия, которые должны быть выполнены, чтобы коммуникативная задача угрозы была выполнена.

Экспрессивно-стилистические вербальные маркеры

Те или иные вербальные маркеры могут сигнализировать о намерении адресанта осуществить непосредственно агрессивный акт и привести угрозу в исполнение. Возможно оценить уровень угрозы как высокий, средний или низкий и классифицировать высказывания, содержащие угрозу, по трем категориям в зависимости от вероятности выполнения угрозы. Угроза низкого уровня – это угроза, которая представляет небольшой риск для адресата и/или других лиц. Маркерами такой угрозы могут быть лексически смягченные средства языка, сослагательное наклонение (например, *perhaps I might* [13]... (возможно, я мог бы...)), описание неправдоподобных действий (например: *I will blow up every building on campus at the same time* [Ibidem]... / Я одновременно взорву все дома в этом районе...) и отсутствие подробностей о времени, месте или человеке, на которого направлена угроза (например: *You better watch out or else* [Ibidem]... / Ты бы лучше остерегался...). Таких угроз наблюдается наибольшее количество.

Угроза среднего уровня – это угроза, которая в целом более реалистична и правдоподобна, но все же предполагает некоторый аспект сомнения о человеке или месте как объекте агрессии или вероятности того, что угроза может быть осуществлена. Угрозы этой категории обычно демонстрируют определенный уровень предварительного планирования и предусмотрительности в описании того, как будет осуществляться угроза, и предоставляют более конкретные и описательные лексические средства, маркирующие в первую очередь цель угрозы. При этом такие угрозы зачастую включают лексемы, которые эксплицируют обоснованность намерения адресанта, например: *This is no joke* [Ibidem]. / Я не шучу.

Наконец, угроза высокого уровня является весьма достоверной, и факты, заявленные в ней, могут быть реализованы. Эти угрозы, как правило, содержат подробные описания того, как будет осуществляться угроза, кто или что является целью и как адресант достигнет этой цели. Кроме того, когда уровень угрозы высок, часто указывается период, в течение которого будет осуществлена угроза. Вербальными маркерами угрозы высокого уровня являются менасивные глаголы, например: *shoot, kill, execute, lynch, do away* [Ibidem] (застрелить, убить).

Угроза в сообщениях может проявляться в различной степени через использование ненормативной лексики или других эмоционально окрашенных языковых средств: *Cuomo is a dumbass. Dude can't keep his hands to himself. All he had to do... besides his job* [Ibidem]. / Куомо – тупица. Чувак не может вести себя прилично. Он переделал все дела... кроме своей работы. Автор данного сообщения использует эмоционально-экспрессивную лексему *dumbass* (тупица), принадлежащую к лексике сниженного регистра и функционирующую как вербальный маркер агрессии.

В ходе анализа сообщений, содержащих угрозу, мы обращали внимание на вербальный контекст. Здесь используемые авторами лексемы, являющиеся вербальными маркерами угрозы, представляют собой оскорбительные, уничижительные выражения, которые, согласно ожиданиям говорящих, более успешно передают интенсивность их чувств и эмоций. Например, угроза с оскорблением *you ass* (ты осёл) в сочетании с вспомогательным глаголом будущего времени свидетельствует о серьезности намерений угрожающего и делает более вероятным обострение конфликта и обмен контругрозами: *You complete ass, and I'll have you thrown in jail* [Ibidem]. / Ты полный кретин, и я упеку тебя за решетку.

Модально-оценочные вербальные маркеры

Некоторые грамматические особенности и функции единиц языка, таких как имена существительные, наречия, предложения дополнения и модальности, которые функционируют как вербальные маркеры позиции автора по отношению к угрожаемому действию и жертве, позволяют оценить уровень намерения говорящего совершить акт агрессии исходя из языка угрожающего сообщения. Так, об угрозе в сообщении свидетельствует модальность намерения, выраженная модальными глаголами *must, have to* или *will* (должен, вынужден или буду).

Важно отметить, что вербальные угрозы могут передаваться как прямо, так и косвенно, как показано в примерах ниже. Данный факт обуславливает классификацию вербальных маркеров по характеру эксплицируемой в высказывании угрозы: прямая или косвенная, соответственно мы вправе говорить о вербальных маркерах прямых и косвенных угроз. В прямых угрозах зачастую упоминаются жертва, тип вреда, который адресант предполагает ей нанести, и сам угрожающий в качестве агента менасивного воздействия, например: *We will kill all of you* [Ibidem]. / Мы уьем всех вас; *IM GONNA BOMB this School* [Ibidem]!!! / Я взорву эту школу!!!

Независимо от уровня достоверности этих угроз, мы видим упоминание о типе вреда как о довольно неопределенном акте убийства и более точно определенном акте взрыва. В обоих случаях говорящими использованы конструкции с менасивными глаголами *kill* (убить) и *bomb* (взорвать). Предполагаемые жертвы обозначены как, опять же, довольно нечеткая группа всех окружающих, когда адресант прибегает к личному местоимению второго лица *you* (ты), и институциональная, а не личная группа *this school* (эта школа), где автор сообщения использует существительное, номинирующее название организации. Оба упомянутых языковых средства также являются вербальными маркерами угрозы. Наконец, маркерами угрозы в обоих высказываниях служит упоминание в сочетании с менасивными глаголами местоимений первого лица множественного числа *we* (мы) и первого лица единственного числа *I* (я).

Косвенные угрозы часто принимают форму высказываний предупреждения или жалобы, при этом угроза остается контекстуально подразумеваемой и интерпретируется адресатом как таковая именно благодаря вербальным маркерам, например: *Truly will never understand the need to hop on this website and defend people who shoot unarmed kids. What an interesting type of person* [Ibidem]. / Совершенно не понимаю необходимости заходить

на этот сайт и защищать людей, которые стреляют в безоружных детей. Какой интересный тип людей. Автор данного сообщения использует оценочное прилагательное *interesting* (интересный), в значении с негативной коннотацией: «ужасный (человек)», тем самым оценочные прилагательные также являются маркерами угрозы. О наличии косвенной угрозы в данном высказывании свидетельствует следующий вербальный маркер: вспомогательный глагол *will* (не пойму) в значении будущего времени, что непосредственно подразумевает намерение угрожающего совершить акт агрессии, например: *I will turn D.C. into a ghost town* [Ibidem]. / Я превращу Вашингтон в город-призрак.

Вербальным маркером искренней угрозы служит наречие образа действия *seriously* (серьезно) в сочетании с экспрессивным устойчивым выражением *to go far over the line* (перейти черту). Нами было установлено, что некоторые грамматические структуры, используемые в текстах сообщений, являются грамматическими вербальными маркерами угроз. Так, на угрозу в высказывании указывают: вводные конструкции *I think, kind of, what you might call* (я думаю, в этом роде, как называют); противительные союзы *but, however, nevertheless* (но, как бы то ни было, несмотря на), личные местоимения первого лица *I, we* (я, мы) в роли подлежащего; личное местоимение *I* (я) как второстепенный член предложения; отрицательные частицы *not, no, never* (нет, никогда) и их коллоквиальные разновидности *nope, nah* (нет), союзы причины и следствия *because, therefore, since* (потому что, тем самым, поэтому), наречия-интенсификаторы *very, so, really* (очень, итак, действительно).

Заключение

Таким образом, анализ вербальных маркеров на основе выборки данных из англоязычной социальной сети *Twitter* позволил сделать следующие выводы.

Угроза как коммуникативная стратегия зависит от иллокутивной силы или намерения, с которым она произносится. Исходя из коммуникативных функций и лингвистических особенностей прямых и косвенных типов угроз, риск реализации угрозы обычно классифицируется как низкий, когда угрожающее высказывание содержит придаточные условия, модальные глаголы, в то время как риск реализации угрозы, напротив, классифицируется как высокий, если в высказывании содержатся языковые средства выражения коммуникативного намерения.

Экспрессивно-стилистические вербальные маркеры угрозы в сообщениях публичного дискурса наделяют данные высказывания высокой степенью имплицитности, оценочности и экспрессивности. Экспрессивно-стилистические вербальные маркеры обладают рядом коммуникативных функций и представляют собой важнейший конструктивный элемент в системе текста интернет-сообщений.

Модально-оценочные вербальные маркеры угрозы определяют специфическую грамматическую форму высказываний, содержащих угрозу, что само по себе является вербальным маркером угрозы, поскольку именно из сочетания языковой структуры и социального контекста жанра адресат выстраивает собственные впечатления, интерпретации и ожидания от адресанта. С точки зрения решения коммуникативной задачи и эксплицитная, и имплицитная формы высказываний, содержащих угрозу, оказывают одинаковое воздействие на адресата, поскольку решающим фактором для адресата становится его собственное восприятие тех или иных языковых форм как маркеров угрозы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении вербальных маркеров условий успешности речевого акта угрозы и оценке вероятности осуществления угрозы на основе анализа вербальных маркеров, а также в формировании тематической классификации вербальных маркеров угрозы исходя из тем, затрагиваемых авторами интернет-сообщений, содержащих угрозу.

Источники | References

1. Быстров В. В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2001. 124 с.
2. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 337 с.
3. Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера: понятие, условие и субъекты функционирования // Медиа накануне постсекулярного мира. М.: Петрополис, 2014. С. 176-189.
4. Шевченко И. С., Морозова Е. И. Проблемы типологии дискурса // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен. Х.: Константа, 2016. С. 158-160.
5. Brown P., Stephen C. Politeness: Some universals in language usage: in 4 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Vol. 4. 355 p.
6. Fraser B. Threatening revisited // *Forensics*. 2008. Vol. 5. Iss. 2. P. 159-173.
7. Gingiss P. Indirect threats // *Word*. 2018. Vol. 37. Iss. 3. P. 153-158.
8. Harris S. The form and function of threats in court // *Language & Communication*. 2014. Vol. 4. Iss. 4. P. 247-271.
9. Limberg H. Impoliteness and threat responses // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 41. Iss. 7. P. 1376-1394.
10. Meloy J. R., Hoffmann J. *International handbook of threat assessment*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 322 p.
11. Muschalik J. *Threatening in English: A mixed method approach*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. 284 p.

12. Searle J. R. What is a Speech Act? Methods in language and social interaction. Thousand Oaks: Sage Publications, Ltd., 2008. 116 p.
13. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com> (дата обращения: 28.05.2019).

Информация об авторах | Author information

Белова Людмила Валерьевна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Belova Lyudmila Valerievna¹

¹ Belgorod State National Research University

¹ belova.lv@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): высказывание; вербальный маркер; публичный дискурс; интернет-коммуникация; utterance; verbal marker; public discourse; Internet communication.